

УДК 32.019.51 А

СОЦИОТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ*

С. В. Володенков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

С. Н. Федорченко

Московский государственный областной университет,
Российская Федерация, 141014, Московская обл., Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

Ю. Д. Артамонова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Основной целью статьи стал анализ представлений экспертов о цифровом пространстве современной политики. Авторы выдвигают в работе гипотезу о формировании самостоятельного онтологического пространства современной цифровой политики, обладающего собственными принципами функционирования. Интенсивное внедрение в современную практику общественно-политического управления цифровых технологий, активное развитие глобальной цифровой инфраструктуры приводят сегодня к формированию социотехнической реальности нового типа и самостоятельного phygital-пространства политики, в рамках которого формируются виртуализированные конструкты, ценности, смыслы и трансформируется коммуникационное взаимодействие. В цифровом пространстве политики происходит алгоритмизация власти, при помощи которой политические институты активно заимствуют корпоративные техники предиктивной аналитики, ранжирования, фильтрации информации для изучения целевых аудиторий, управления политической повесткой дня и коррекции общественных настроений; в актуальной политической практике появляются новые гибридные акторы, обладающие серьезным властным потенциалом и способностью формирования дизайна современной политики в собственных целях и интересах. Для подтверждения рабочей гипотезы авторами было проведено международное экспертное исследование, позволившее изучить представления экспертов об особенностях цифровизации современной политики и характеристиках формирующейся социотехнической реальности. Итоги исследования подтверждают гипотезу, однако эксперты по-разному оценивают скорость и тенденции формирования этого нового типа политики. Базируясь на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-31089 «Структура и особенности функционирования цифрового пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций».

результатах теоретического и эмпирического исследования, авторы выделяют ключевые тенденции формирования современного социотехнического пространства политики.

Ключевые слова: цифровизация политики, социотехническая реальность, цифровое пространство, фиджитал-мир, алгоритмизация власти.

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в современном мире цифровые технологические трансформации приводят к различного рода социальным эффектам — от появления новых групп в обществе до изменений в традиционных политических институтах и политической турбулентности. Технологическая среда, создаваемая человеком, так или иначе влияла на его же социально-политическую жизнь во все времена. Однако, в отличие от предыдущих эпох, технологическое не просто начинает влиять на социальное. Возможно, мы становимся свидетелями появления особой социотехнической реальности, где социальное и технологическое настолько переплетены, что их уже практически невозможно рассматривать по отдельности.

В данном исследовании мы исходим из предположения о том, что в настоящее время существует значительное функциональное и содержательное влияние процессов цифровых технологических трансформаций на функционирование традиционных общественно-политических институтов, вынужденных адаптироваться к новой и стремительно усложняющейся социотехнической реальности; при этом интенсивная цифровизация порождает в общественно-политической сфере турбулентность, в условиях которой мы находим потенциал для реализации целого спектра сценариев трансформации традиционного пространства политики, базирующихся на активном использовании цифровых ресурсов, технологий и инфраструктуры в процессах распределения и реализации власти. Конечно, ни гражданин, ни государство, ни политические институты уже не могут замкнуться в устраивающей их системе социально-политических взаимоотношений и игнорировать процессы цифровизации.

Проблемный контур исследования видится в следующем: в условиях цифровизации по-прежнему действуют традиционные политические институты, однако они подвергаются трансформации. Кроме того, появляются новые политические акторы со своей собственной логикой — например, платформы или интернет-партии. Наконец, трансформируется и «масса»; исследователи предлагают большой спектр понятий, описывающий новое членение общества — множество, «молчаливое большинство», постмасса и др.; заметим, что и функционирует постмасса иначе. Меняется также характер отношений и действий в этой цифровой политической реальности — мы наблюдаем феномен сетевизации политики; возникновения «коннективного действия» со своей особой логикой, а также иных «цифровизированных» политических действий; трансформацию политического управления, в том числе переход от политики, учитывающей данные, к политике, основанной на данных. Другими словами, остаются *проблемы* выявления у данной социотехнической реальности *структуры*, а также ее специфических *особенностей*. Важно понять: насколько сильно и каким образом цифровые технологические трансформации влияют на изменение сущности, содержания, структуры и функций современной политики,

формируется ли в результате этих технологических трансформаций новая социотехническая реальность, и, наконец, каковы ключевые особенности формируемой социотехнической реальности.

Возникшие вопросы определили *цель* исследования — анализ представлений экспертов о цифровом пространстве современной политики. В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о формировании самостоятельного онтологического пространства современной цифровой политики, обладающего собственными принципами функционирования.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование социотехнической реальности началось с внедрения в научный аппарат Ф. Эмери и Э. Тростом категории «социотехнические системы». В настоящее время к самостоятельным, особым признакам социотехнических систем относят следующие: внутренняя структура, состоящая из социальных и технических подсистем; взаимосвязь социальных и технических элементов; адаптация этих систем к внешним условиям; эквивиальность — достижение системных целей разными путями; эффективность таких систем зависима от параллельной оптимизации как социальной, так и технической подсистемы (ставка только на одну из них создает риск снижения полезности социотехнической системы) [Baxter, Sommerville, 2011]. Иными словами, выделение таких признаков подчеркивает сущность социотехнической реальности как совершенно нового самостоятельного феномена. Однако существует и противоположная оценка, согласно которой такие социотехнические системы, как «машины власти» [Исаев, 2021, с. 49, 73], наоборот, имеют весьма архаичные корни, так как та же цифровая фиксация и отчетность, монотонная повторяемость действий были неотъемлемой чертой не только машинной техники, но и любой власти. В «машине власти» из-за режима функциональности, формализации стирается грань между человеком и техникой. Иными словами, фундамент для социотехнической реальности был подготовлен до цифровизации, но именно цифровизация дала возможность усилить алгоритмическую взаимосвязь и взаимозависимость социально-политических и технических компонентов структуры этой реальности.

В специализированной литературе, с одной стороны, встречается скептическое отношение к активности, «автономной жизненности», самой возможности зарождения нового типа субъектности в условиях социотехнической среды. В рамках критики концепции техноценозов Б. И. Кудрина признаются только сценарии «техновооруженной организации», развития ее технологического базиса [Крушанов, 2012]. Вместе с тем появилось альтернативное видение сценариев развития субъектности в виде концепции атипичной социальности. Ее приверженцы полагают, что развитие технологий искусственного интеллекта приводит к возникновению искусственной социальности и ее атипичных социальных феноменов; следовательно, для глубокого понимания сущности данных процессов нужна новая атипичная социология [От искусственного интеллекта..., 2020, с. 43–44, 98–99]. Вполне вероятно, что социотехническая реальность начинает

активно развиваться и дополнять, заменять собой традиционную социально-политическую реальность из-за того, что искусственные интеллектуальные агенты просто не могут функционировать без этой искусственной социальности, специально созданной для них человеком. Нередки опасения в том, что такие признаки социотехнической реальности, как новые цифровые медиа, информационное изобилие, виртуализация социальных практик, интернет поколения Web 2.0 создают угрозы непонимания подлинной природы социальных отношений, приводят к сокрытию реальных субъектов власти [Родькин, 2016, с. 30, 59].

В условиях формирования социотехнической реальности Г. Ловинк пытается уловить сам ускользающий смысл современного социального. По его мнению, раньше социальное всегда означало способность создавать временные союзы из связанных субъектов. Сейчас же, в эпоху цифровых медиа, социальное приобретает сетевой характер и, по сути, означает техническое. Доказательством тому служит тот факт, что новое социальное «склеивают» программисты из информационных объектов и пользователей [Ловинк, 2019, с. 25–32, 39]. Ряд отечественных авторов, так же как и Ловинк, считают характерной чертой социотехнической сферы ее сетевые особенности, приводя в качестве примера самоорганизацию виртуальных сообществ [Шипунова, Коломейцев, 2010]. Но в зарубежных и в российских исследованиях отмечается схожий эргатический характер структуры социотехнической реальности, когда социально-политические и технические компоненты могут успешно функционировать только в тесном взаимодействии.

Не менее важно то, что данную реальность начинают исследовать в рамках фиджитал-концепта (концепта фиджитал-мира). Согласно его объяснительной модели, именно цифровые корпорации заинтересованы создавать экосистемы между потребителем и брендом на границе физического и цифрового пространств [Švec, Madleňák, 2017]. Заинтересованность в дополнительной прибыли заставляет цифровые компании формировать эту социотехническую реальность, создавая цифровую инфраструктуру, проводя автоматизацию маркетинга, сбор, интеграцию и аналитику пользовательских данных [Moravčíková, Klietková, 2017]. Активность фиджитал-мира видна на примере таких социотехнических элементов цифровой инфраструктуры, как QR-коды, 3D, Apple Watch, Google Glass, Sixth Sense и т.п. Прогноз 2009 г., сделанный Center for the Digital Future, в настоящее время полностью оправдался: «В перспективе с развитием инфраструктуры и уменьшением цен на передачу уже не предсказанием, но весьма обоснованным наблюдением выглядит утверждение, что онлайн-сообщества являются быстро развивающейся частью не виртуального пространства, но реальной виртуальности, взаимодействующей с другими формами интеракции в становящейся все более и более гибридной повседневности» [Center for the Digital Future, 2009].

Социотехническая реальность современной политики обусловлена созданием и распространением корпорациями таких компонентов цифровой инфраструктуры, как цифровые медиа — платформы, приложения, социальные сети, порталы, блоги, форумы, имиджборды, новостные агрегаторы и т.п. Свойства цифровых (новых) медиа зависят не только от конкретного контента, но также от особенностей софта — программного обеспечения. Есть несколько принципов

таких медиа, которые накладывают существенный отпечаток на цифровизацию политики [Манович, 2017, с. 23–31, 58]: фрактальность (как правило, медийный объект обладает схожей дискретной структурой на различных уровнях, состоя из пикселей, символов и т.п.); модульность (в новых медиа используются модули, собирающиеся в программы); числовое представление (новые медиа измеряются и становятся механизмом алгоритмической манипуляции); автоматизация (человека можно исключать из творческого процесса, в том числе и политического характера); изменяемость (для одних и тех же данных могут создаваться разные интерфейсы, к примеру, каждый посетитель партийного сайта может увидеть свою версию). Создана цифровая инфраструктура, состоящая из различных платформ и подразумевающая сетевые эффекты [Срничек, 2020, с. 38–44].

Если влияние интернета на политические процессы в прошлом веке в основном связывалось с развитием демократии, имплементацией ее новых моделей (делиберативной, мониторинговой и т.д.), а критически-негативные взгляды разделялись небольшой группой исследователей (например, Г. Шиллером и П. Вирильо), то с начала XXI в. ситуация меняется — анализ практик развития новой социотехнической реальности позволяет видеть и новые риски, и новые перспективы. Причем стремительность формирования нового цифрового пространства политики и изменений в нем ведет к возникновению все большего числа концепций, принципиально расходящихся и в оценках, и в моделировании, и в сценарировании развития как цифрового общества в целом, так и его политической сферы.

Безусловно, развитие цифровых корпораций приводит к информационному и коммуникационному изобилию. В свое время, после выхода популярных работ М. Кастельса, появилось увлечение идеей цифровой демократии, которое в западных странах прежде всего было связано с так называемой технополитикой (рассматривающей прогресс демократии на основе эволюции центрального элемента социотехнической реальности — цифровых платформ). Технополитическая модель отдает предпочтение разработкам с открытым исходным кодом, необходимым для подлинной реализации гражданами своих цифровых прав и возможностей [Kellner, 1999]. Однако в реальности мы наблюдаем концентрацию цифровых аватаров (аккаунтов) пользователей на различных порталах; монополизацию корпорациями коммуникационных функций; использование корпорациями пользовательских данных как нового типа сырья.

Специфическая роль цифровых корпораций в структурировании самостоятельного онтологического пространства под свои цели и задачи объясняется целым комплексом причин: превращением граждан в «генераторов данных», замещением модели «урбанизма, учитывающего данные», моделью «урбанизма, основанного на данных», появлением на фоне процесса приватизации государственных функций среди корпораций «информационных брокеров», занимающихся записью, аналитикой, сдачей в аренду, перепродажей данных [Лапина-Кратасюк, Запорожец, Возьянов, 2019, с. 34, 58, 74]. Проблема состоит не только в контроле — речь идет о моделировании общества, не просто отслеживании поведенческих паттернов, но и навязывании определенных способов поведения [Артамонова, 2020].

С. Маккуайр, обращая внимание на то, что на пересечении физического городского и цифрового пространств создается нового типа порядок, меняющий пространственность и ритм социального в сторону социотехнического взаимодействия [Маккуайр, 2018, с.30–35, 43], подчеркивает, что тезис о «нейтральности данных» ошибочен. Сам доступ к данным остается ассиметричным. Граждане, как правило, обделены передовыми системами анализа собираемой о них же информации, они могут рассчитывать лишь на некоторые уведомления об обработке их «цифровых следов». Данные граждан в современных городах аккумулируются в особых «оперативных архивах» и поступают властям и корпорациям (например, через ресурс Google Street View), заинтересованным в их сборе и использовании. Л. Ульбрихт опасается явления «скрэпинга» [Ulbricht, 2020] — постоянного сбора пользовательских данных граждан, чреватого угрозой разрушения демократических институтов и традиций. Действительно, социотехническая реальность характеризуется постоянным ассиметричным ростом, сбором и аналитикой данных, в том числе и политического характера. Неслучайно Маккуайр, опираясь на идеи Лефевра, считает, что публичность общественного пространства в условиях социотехнической реальности не является чем-то данным для граждан. Эту публичность гражданам необходимо защищать и отстаивать, если они не хотят стать пассивными объектами управления [Маккуайр, 2018, с.63, 124]. Мало того, Маккуайр предупреждает, что такая постмодернистская модель сбора данных передает часть властных функций от государства к цифровым корпорациям, абсолютно неподотчетным гражданам. Такие идеи вторят модели постдемократии К. Крауча, по мнению которого государство оставляет ряд своих обязанностей частным субподрядчикам. Цифровые корпорации, становясь новыми посредниками между гражданами, обществом и государством, закладывают фундамент для появления новых моделей властного взаимодействия.

Не случайно в качестве других признаков социотехнической реальности авторы часто выделяют усиление роли алгоритмов в социально-политических процессах и отношениях. Так, появились работы, где исследователи прямо связывают функционирование алгоритмов с социально-политическими последствиями. Власть алгоритмов усматривается в их функционале определять, что интересно конкретному человеку, а что не имеет для него значения. Алгоритмы начинают принимать участие в конструировании и перенастройке дискурсов, социально-политических связей граждан, формировании их политического и культурного опыта [Beer, 2017]. При этом алгоритмы предполагают в политической коммуникации навязывание шаблонов и установление предпочтительных связей. Политическая власть алгоритмов видна на примере создаваемой ими для гражданина «угрозы невидимости» [Bucher, 2012]. Тем самым модель дисциплинарной власти М. Фуко, основанная на принципе «угрозы видимости», полностью переворачивается.

Часто упоминается учеными и проблематика потенциала и специфической роли технологий искусственного интеллекта в политическом сегменте. В современных исследованиях активно обсуждается серьезный потенциал нейронных сетей, к примеру, в сфере мониторинга избирательного процесса и купирования

делегитимационных эффектов от фальсификаций; также предлагается с помощью таких систем выявлять факты политического насилия [Muchlinski et al., 2021].

Алгоритмизация власти означает серьезную гибридизацию функций, ролей государства и цифровых корпораций в обществе. Цифровые корпорации, с одной стороны, становятся посредниками между гражданином и государством, с другой стороны, тем самым государство передает часть своей ответственности корпорациям. Такая гибридизация приводит к трансформациям политических режимов. Выражаясь терминологией П. Бергера и Т. Лукмана, реифицированная алгоритмами социотехническая реальность не сближает, а отчуждает граждан от активного участия в политических процессах, деполитизирует общество, сосредотачиваясь на рейтинговании, стандартизации и автоматизации политической сферы. Реификация алгоритмов видна в наделении их экспертами и гражданами практически онтологическим статусом. Кроме того, алгоритмы приносят в мир политики элементы хабиутализации (т.е. опривычивания) — сокращения политического выбора за счет рамок интерфейса, аффордансов, повторяемости процессов [Федорченко, 2021]. Появились исследования, где изучается влияние алгоритмической логики, дисциплины на политическую власть, когда последняя начинает зависеть от иммерсии сетевых архивов и возникновения новой онтологии времени в условиях нарушения границ между настоящим и историей, памятью и репрезентацией [Евангели, 2019, с. 40, 59–69].

При этом интернет не предоставляет равных условий в политической игре. Не случайно отдельные авторы предупреждают о проблеме цифрового неравенства между группами населения [Володенков, 2019], «посттрансляционной демократии», когда большой выбор медиаконтента позволяет людям избегать политической информации [Chan, 2020]. Есть мнение, что технологические трансформации приводят к эволюции и самой политической власти, продолжением которой становится алгоритмический метакapитал (algorithmic meta-capital) — символическое расширение традиционной власти, позволяющее субъекту управления контролировать разные формы капитала и области жизни [Lundahl, 2022]. Такая символическая власть начинает проявляться через алгоритмы, которые влияют на представления о мире, привычки, склонности человека, развитие журналистики кликбейта.

Подобное видение во многом берет свое начало от концепта алгократии (algorithms), предложенного А. Анишем в его работе «Виртуальная миграция» [Aneesh, 2006]. Принцип алгоритмического управления Аниша подразумевает, что алгоритмы начинают широко использоваться в модели «правительства по алгоритму», судебной властью, правоохранительными органами.

Алгоритмизация власти отчетливо видна во внедряемых правительствами и корпорациями технологиях предиктивной аналитики. Эти технологии имеют дело с большими массивами пользовательских данных и нацелены на анализ пользовательских предпочтений, поиск взаимосвязей между разными элементами, процессами, построение прогностических сценариев, в том числе и политических. Современные приемы предиктивной аналитики часто связывают с разработками в области искусственного интеллекта. В то же время власть алгоритмов проявляется в распространении рекомендательных сервисов (при-

емы look alike), связанных с предиктивной аналитикой. Хотя единой точки зрения по поводу социально-политических эффектов от «пузырей фильтров» в научной среде до сих пор не сложилось [Назаров, 2020].

С одной стороны, из-за разрастания объемов данных расширяется практика алгоритмического принятия решений (algorithmic decision-making), в рамках которой системы на базе технологий искусственного интеллекта могут предлагать власти готовые решения в отношении отдельных граждан и целых социальных групп. Достаточно упомянуть проект COMPAS, использующийся в ряде штатов США для прогнозирования будущих преступлений со стороны обвиняемых [Borgesius, 2020]. С другой стороны, внедрение практик алгоритмического принятия решений в систему социальных услуг, страхования, образования, правоохранительной работы актуализирует проблему формирования целой алгоритмической инфраструктуры (algorithmic infrastructure) [Gran, Booth, Bucher, 2021] в отдельно взятом государстве, способной усиливать значение шаблонов социального поведения и нести риски для развития демократии.

Более того, австрийский исследователь А. Аванесян соотносит эту постпаноптическую алгоритмическую власть с новой темпоральностью. Особая темпоральность видна в следующем [Аванесян, 2021, с. 23–24, 55–59]: среди граждан появляется внешний культ текущего момента, одержимость настоящим (феномен лайфлога); тогда как власти, медиакорпорации начинают руководствоваться принципом «премедиации» — установкой на будущее событие, предотвращение будущей угрозы; предиктивная аналитика же, по сути, способствует рекурсивной интеграции будущего в настоящее; в конечном счете алгоритмами создаются организованные сложно-темпоральные общества, а большие данные трансформируют политический порядок; конструируются новые «алгоритмические идентичности».

Однако многообразие и разная логика формирования отдельных фиджитал-миров является противовесом процессам монополизации со стороны цифровых платформ и государства. В целом мы имеем дело не со старой моделью дисциплинарного общества: «Паноптикон — неувядающая метафора в обсуждениях цифрового наблюдения и датамайнинга, но она не подходит для описания таких вещей, как Google. Бентамовское всевидящее око смотрит из центральной точки, это взгляд викторианского надзирателя. В Google мы одновременно оказываемся и наблюдаемыми, и клетками сетчатки наблюдающего глаза» [Gibson, 2010]. Речь идет о том, что от паноптикона мы переходим к модели панспектрона.

Таким образом, структура социотехнической реальности, влияющей на политическую сферу, включает: традиционных политических акторов (государства, граждане); новых политически влиятельных акторов — цифровые корпорации; цифровые медиа (платформы, социальные сети, приложения, сайты) и алгоритмы, создаваемые этими корпорациями. Тогда как к специфическим особенностям этой социотехнической реальности можно отнести: создание нового социального из информационных объектов и пользователей; посредническую роль цифровых корпораций между гражданами и государством; сетевизацию и алгоритмизацию (алгоритмы, создаваемые корпорациями, становятся компонентом политической власти, происходит гибридизация функций

государства и цифровых корпораций); возникновение новой цифровой темпоральности.

На основании обзора литературы мы можем констатировать признание многими учеными и специалистами наличия признаков зарождения новой социотехнической реальности, формирующейся в условиях глобальных технологических трансформаций и обладающей ярко выраженными особенностями, допускающими реализацию сценария появления самостоятельного онтологического пространства современной цифровой политики. Данное обстоятельство позволило проверить выдвинутую нами гипотезу в дальнейшем при проведении экспертного исследования.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

В рамках исследования «Цифровое пространство современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание, структура и особенности» в сентябре — октябре 2021 г. был проведен экспертный опрос. В ходе проекта были опрошены 22 эксперта из России, Польши, США, Сербии, Республики Беларусь, Узбекистана и Кыргызстана. Для обеспечения объективности исследования соблюдался критерий конфиденциальности — экспертам не разглашалась информация об участниках проекта до оглашения самих результатов. Для проверки гипотезы было представлено описание формирования новой социотехнической реальности в современных исследованиях с учетом превалирующих точек зрения; на основе описания были выделены ключевые «точки споров» по данной проблеме; на основе реализации данных этапов работы сформулированы вопросы для экспертов. Вопросы предполагали как балльную оценку правдоподобия (от 1 до 10) представленных выводов или тенденций, так и открытые вопросы. Процедура опроса предполагала ответы экспертов на 20 вопросов посредством сервиса Google Forms. Массовая рассылка была исключена — гиперссылки на анкету отправлялись каждому эксперту строго индивидуально. При этом ответы других экспертов не были видны анкетирруемому. Общая статистика по ответам всех экспертов была доступна только соавторам данной работы, у которых имелись права администраторов. Кроме автоматизированной обработки полученных количественных данных и их визуализации была предусмотрена и качественная обработка ответов (отбирались схожие экспертные позиции по определенным вопросам, анализировалась взаимосвязь оценок и т. д.). Полученные по итогам обработки анкет результаты и выводы были представлены экспертам для обсуждения в рамках международного семинара, прошедшего в МГУ имени М. В. Ломоносова в ноябре 2021 г. По причине ограничений на объем материала в данной статье будут использоваться результаты обработки ответов только на некоторые из представленных вопросов.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы в рамках экспертного исследования участникам было предложено оценить общий уровень влияния актуальных цифровых технологических трансформаций на существенные, содер-

жательные, структурные и функциональные характеристики современной политики (оценки от 1 — «абсолютно не влияет» до 10 — «максимально влияет»). Обследование позволило уточнить особенности и структуру феномена социотехнической реальности.

Как можно увидеть из рис. 1, участники исследования в целом достаточно высоко оценили подобное влияние (средний балл экспертных оценок по десятибалльной шкале — 7,3). При этом ни один из принявших участие в исследовании экспертов не смог констатировать отсутствие влияния процессов технологических трансформаций на сферу современной политики, что во многом подкрепляет выдвинутую нами рабочую гипотезу.

Более того, многие участники проведенного нами исследования выразили мнение, согласно которому в условиях технологических трансформаций постепенно начинает формироваться самостоятельное онтологическое пространство цифровой политики (рис. 2), обладающее собственными принципами и законами функционирования, отличными от традиционного пространства политики (средний балл экспертных оценок по десятибалльной шкале — 6,7, однако в дальнейшем, по мнению экспертов, он будет только расти).

Особенности социотехнической реальности в основном связываются экспертами со специфическими потенциалами, угрозами, рисками этого феномена для современной политики. По мнению экспертов, в первую очередь следует говорить о принципиальном изменении качества «конкурентной» и «состязательной политики», которая в условиях цифровизации характеризуется значительным расширением возможностей гражданского контроля за процессами и итогами выборов, процедурной справедливостью, повышением эффективности механизмов агрегации, артикуляции и презентации общественных интересов.

1. НАСКОЛЬКО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛИЯЮТ НА ИЗМЕНЕНИЕ СУЩНОСТИ, СОДЕРЖАНИЯ, СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ? КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ОТ 1 ДО 10 БАЛЛОВ (1 — АБСОЛЮТНО НЕ ВЛИЯЮТ, 10 — МАКСИМАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ)

22 ответа

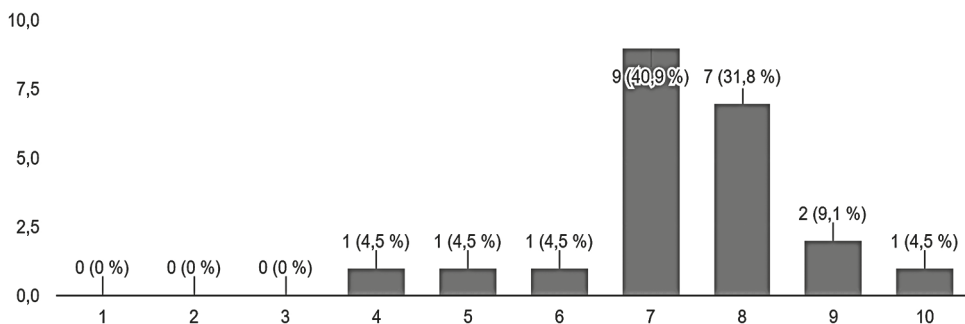


Рис. 1. Экспертные оценки уровня влияния цифровых технологических трансформаций на изменение сущности, содержания, структуры и функций современной политики

5. НАСКОЛЬКО ВЫ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО СЕГОДНЯ ФОРМИРУЕТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ОБЛАДАЮЩЕЕ СОБСТВЕННЫМИ И ПРИНЦИПИАЛЬНО ОТЛИЧНЫМИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОДЕРЖАНИЕМ, СТРУКТУРОЙ И ОСОБЕННОСТЯМИ?

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ОТ 1 ДО 10 БАЛЛОВ (1 — АБСОЛЮТНО НЕВЕРНО, 10 — ВЕРНО В МАКСИМАЛЬНОЙ СТЕПЕНИ)

22 ответа

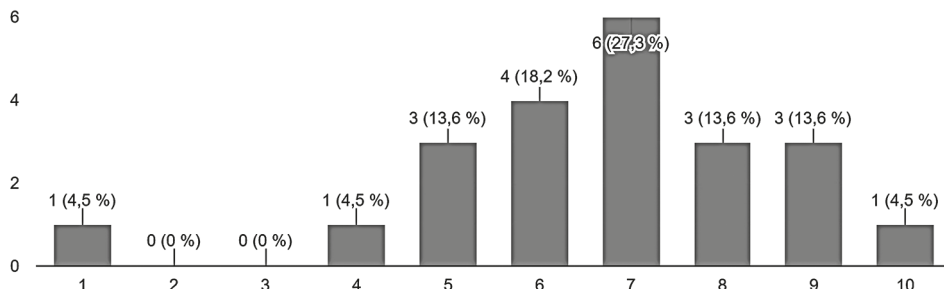


Рис. 2. Экспертные оценки формирования самостоятельного онтологического пространства цифровой политики

Одновременно с этим эксперты высоко оценивают возможности конструктивного использования цифровых информационных инструментов для эффективной координации действий институтов власти и гражданских структур, публичного обсуждения управленческих проектов в общественно-политической сфере с участием значительного числа граждан, использующих цифровые каналы взаимодействия с властью. В целом коммуникация между властью и гражданами в цифровом формате становится проще, доступнее, оперативнее, что порождает ощущение более открытой и «прозрачной» власти. Таким образом, структура социотехнической среды обладает более эластичными потенциалами для политической коммуникации.

Участники исследования видят в цифровизации возможности для вовлечения общества в принятие управленческих решений, всеохватного участия в обсуждении социально значимых инициатив, тотального контроля за функционированием и результатами деятельности публичных органов власти и их должностных лиц, а также формирования удобных цифровых публичных сервисов и иных государственных интерактивных платформ и площадок.

Таким образом, эксперты связывают между собой современную цифровизацию общественно-политических коммуникаций и высокий уровень транспарентности (открытости) и онлайн-доступности публичной власти, формирование эффективных механизмов влияния и контроля за процессом принятия и реализации властно-управленческих решений, а также развитие культуры и ориентации политических институций на повышение качества публичных услуг и социальной ответственности, обеспечение открытости процессов,

связанных с организацией и реализацией публичной власти, повышение доступности публичных услуг, быстроту, удобство и комфортность общественно-политического участия, действия и мобилизации.

Кроме того, многие участники исследования отмечали потенциал для появления новых форм и технологий вовлечения общества в политический процесс, новые технологические инструменты мобилизации гражданского участия и повышения социально-политического активизма, а также формирование более эффективных сетевых форм интеграции и артикуляции социальных ожиданий, общественных потребностей и публичных интересов.

При этом упрощение производства и распространения политического контента, доступность экстерриториальных цифровых коммуникаций также позволяет решить проблему «размера округа», создать возможности для формирования институтов «прямой демократии», конструирования эффективного цифрового пространства общественно-политического взаимодействия граждан, предоставить гражданам новые технологические возможности и схемы политического участия и развития гражданского общества.

В то же самое время, по мнению экспертов, нельзя недооценивать сохранение в новых технологических условиях доминирующей позиции властей, способных технологически усиливать «блокирующий эффект институтов», защищать и скрывать цифровые данные, манипулировать ими, в более широких масштабах управлять политическим выбором и поведением населения при помощи технологий цифровой манипуляции и пропаганды. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что при всей технологической эволюции структура новой социотехнической реальности сохраняет определенную преемственность от практик и структур, распространенных до активной цифровизации.

Не менее значимым представляется для участников исследования потенциал применения в сфере современного общественно-политического управления технологий Big Data. Эксперты отметили возможности более высокой эффективности управленческих процессов за счет более точного определения особенностей, потребностей и предпочтений целевых аудиторий общества, более точечного информационно-коммуникационного взаимодействия с ними, создания более эффективных стратегий и методик коммуникации с различными группами граждан.

Применение Big Data позволяет в целом лучше понять аудиторию и ее потребности, использовать понятный для нее язык коммуникации, обеспечивать «личный» контакт с гражданином, что существенным образом повышает потенциал коммуникационного влияния на общество в целом. Совершенствование технологий сбора, хранения и структурирования больших данных создает принципиальные возможности для формирования персонифицированной политики государства относительно каждого отдельного гражданина. Это характеризует особенности социотехнической реальности.

Кроме того, по мнению участников исследования, потенциал повышения эффективности управления в общественно-политической сфере лежит в области формирования возможностей для построения моделей общественно-

политического развития на основе огромного массива данных, аналитических и экспертных материалах, формирования объективных и адекватных политических прогнозов, стратегий, моделей и программ совершенствования различных сфер и секторов общественно-политической жизнедеятельности.

С помощью Big Data могут обеспечиваться простота, удобство, быстрота и эффективность хранения и использования данных, информации и полученных знаний, мгновенный доступ к достижениям человечества, культур и цивилизаций, что существенно обогащает и качественно улучшает процесс разработки и принятия значимых общественно-политических решений.

При этом участники исследования отмечали и возможные риски, связанные с применением Big Data в общественно-политической практике. В первую очередь к ним относится значительное усиление возможностей манипулятивного воздействия через формирование индивидуальных моделей политической реальности и моделей поведения на основе анализа личностных особенностей граждан, их собственных систем ценностей, представлений об окружающем мире (что может быть успешно осуществлено на основе изучения персональных цифровых следов онлайн-пользователей).

Ряд экспертов отмечает такой риск, как возможность формирования практик тотального управления общественным сознанием посредством сбора, обработки, анализа и использования персональных данных, касающихся поведения и предпочтений населения. Отсюда вытекает и еще одна угроза — формирование общества цифрового контроля, основанного на круглосуточном слежении за гражданами в цифровом пространстве, сборе информации о любых видах активности и применении полученных данных для осуществления рестрикций в отношении конкретного индивида, имеющего цифровые признаки неблагонадежности (реальным становится потенциал цифровой депривации гражданина, цифровое стирание индивида, цифровые ограничения в отношении неугодных персон по усмотрению исключительно лиц, контролирующих цифровые данные), а также для осуществления ранжирования, «социальной сегрегации» граждан по степени «социального одобрения» на основе анализа их действий (в качестве примера можно привести рейтинг социального доверия в Китае).

Что касается внедрения технологий искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в актуальную общественно-политическую практику, то здесь участники исследования также видят возможности реализации конструктивного потенциала. Создание и внедрение систем искусственного интеллекта позволит, по мнению экспертов, решать в реальном времени все аналитические задачи, связанные с обработкой и анализом больших данных и поддержкой принятия решений как на общенациональном уровне, так и на уровне каждого отдельного гражданина.

Машинные комплексы и алгоритмические решения способны обеспечить объективность в принятии решений, отсеивая культурные, исторические, этнические и другие предрассудки, штампы и стереотипы, а технологии блокчейн и Big Data могут обеспечить подлинность данных, информации, улучшить систему опережающего правотворчества и общественно-политического моделирования,

совершенствование системы налогообложения, здравоохранения, социального обеспечения, образования и т. д., что в целом будет способствовать общественно-политическому развитию в технологически развитых государствах.

Одновременно с этим важное место в экспертных оценках было отведено возможностям формирования при поддержке систем искусственного интеллекта безопасных условий для функционирования общества. Так, по мнению ряда участников исследования, большой потенциал в данной сфере связан с созданием и внедрением автономных алгоритмических систем ориентированного машинного обучения, обеспечивающих политический и правовой порядок, превенцию общественно-политических конфликтов и противоправных действий (машинные системы мониторинга, предиктивной юстиции и правосудия, оценки и прогнозирования потенциально опасных социальных действий).

В свою очередь, введение электронных удостоверений личности, совершенствование систем распознавания образов и применение цифровых биометрических данных создают возможность для контроля пространственных перемещений граждан. Например, фиксирование личности при пользовании общественным транспортом фактически сделает страну непроницаемой для нелегальных мигрантов. Таким образом, эксперты видят в процессах внедрения технологий искусственного интеллекта такой позитивный эффект, как создание более безопасной социальной среды.

При этом эксперты выделяют и значимые риски, связанные с внедрением в общественно-политическую практику систем искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов. В первую очередь, речь идет о возможном формировании эффектов предубеждения систем искусственного интеллекта и машинных сбоев/ошибок в ориентированном машинном обучении, влекущих массовую дискриминацию граждан (по половому, расовому, этническому и другим признакам), дефрагментации социально-политической целостности общества и более радикальном «цифровом расслоении» общества, организуемом по усмотрению «умных систем».

Участники исследования особо выделили такую угрозу, как возрастание возможностей технологических ошибок при принятии политических решений с использованием систем искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов.

Кроме того, значительное число экспертов выделило в ходе исследования и такой риск, как невозможность общественного контроля и влияния общества на автоматизированные управленческие процессы в общественно-политической сфере, а также развитие эффектов тенизации властно-управленческих процессов и управленческих решений, основывающихся на автономных алгоритмических системах, что в конечном итоге ведет к формированию теневой цифровой элиты и скрытых инструментов цифрового властного господства, в том числе распространению эффектов злоупотребления властью и цифровому доминированию в «автоматическом режиме». Данное опасение можно сформулировать следующим образом: «Кто владеет алгоритмом — тот владеет властью».

Вполне объяснимой представляется и обеспокоенность экспертов возможностями формирования обществ тотального цифрового контроля на основе систем искусственного интеллекта и нейросетей, автоматического слежения за гражда-

нами в режиме реального времени. Этот риск уже был упомянут участниками исследования применительно к вопросам использования технологий Big Data.

Однако тенденция к объединению систем искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей с ресурсами и технологиями Big Data в единые автоматизированные проекты, в которых цифровые следы и биометрические данные граждан в автоматическом режиме собираются, накапливаются, обрабатываются, анализируются и используются искусственными агентами в целях контроля за индивидами, может привести, по нашему мнению, к формированию политико-технологических режимов тотального цифрового контроля «на благо общества», цифровых паноптикумов.

Неслучайно сегодня актуальность приобретает выдвинутый профессором Гарвардского университета Ш.Зубофф концепт капитализма слежения, или надзорного капитализма [Zuboff, 2019]. Что примечательно, по мнению экспертов даже в случае отсутствия подобных проектов цифрового контроля над населением сам негативный эффект в виде распространения массовых социальных фобий «тотального контроля» может оказаться вполне реальным, в полном соответствии с известной теоремой Томаса (что является реальным по восприятию, то является реальным и по последствиям).

Еще одним значимым риском цифровизации, отмеченным экспертами, принявшими участие в исследовании, является ценностное перепрограммирование общества, редуцирование его познавательных способностей и отсечение от реального мира с помощью цифровых технологий и алгоритмов.

Так, вовлечение граждан в виртуальную социальную жизнь делает политическое поведение, ценности и идентичность граждан объектом влияния и манипуляции со стороны множества политических сил, включая крупные ИТ-корпорации, иностранные государства и неправительственные организации, в результате чего пространство политических ценностей может стать более фрагментарным, а политическое поведение масс — менее предсказуемым.

В свою очередь, применение персонализированных алгоритмов отбора новостей, обуславливающих рамки восприятия тех или иных событий, таргетированное распространение цифровых контекстуальных и индивидуализированных сведений, новостей, основывающихся на анализе персональных цифровых следов и позволяющих учесть особенности индивида в ходе информационно-коммуникационного воздействия, создает мощный манипулятивно-пропагандистский потенциал в пространстве цифровых общественно-политических коммуникаций, связанный с формированием искаженной картины общественно-политической реальности и информационно-технологическим конструированием управляемого общественного мнения, мнимых противоречий, социальных проблем и конфликтов, имеющих не реальную, но виртуальную природу.

Существует еще одна структурная особенность социотехнической реальности. Как отмечают эксперты, уже сегодня через цифровые коммуникационные платформы акцентируется внимание общества, целевых групп и индивида на «выгодных» и «значимых» проблемах и возможных направлениях их решения, формируется управляемая повестка дня для масс. По сути, речь идет о возможностях информационного капсулирования индивидов путем создания пер-

сонализированных цифровых информационных капсул, которые являются лишь инструментом эмоционального вовлечения и реагирования масс на комплекс «не своих» проблем, что, по сути, превращает граждан в объект различных манипулятивных практик. Как отметил один из участников исследования, «создаваемые цифровые оболочки вокруг индивидов формируют принципиально ложные представления, образы, события, мировоззренческую картину, ведут к дефрагментации социальных общностей и связей».

При этом в дальнейшем эффект информационного капсулирования будет только возрастать по мере развития технологий машинного обучения и нейронных сетей, а также механик таргетинга и персонализации сетевого контента. Качество данных технологий постоянно и неуклонно растет, что позволит уже в недалеком будущем обеспечить индивидуальное таргетирование информационных потоков с учетом персональных особенностей каждого интернет-пользователя.

По экспертным оценкам, уже в ближайшей перспективе ситуация может усугубиться, так как программные комплексы и цифровые автономные алгоритмические системы замещают реальный политический процесс виртуальными событиями и цифровыми процессами, алгоритмически сконструированной информацией, цифровыми политиками, ложными смыслами, что чревато исчезновением способности давать реалистичные оценки политической ситуации, изменением массовых ценностно-нормативных предпочтений и повышением значимости цифровых технологий как фундамента современного общественно-политического процесса, утратой общественного доверия к традиционным политическим институциям и традиционным форматам политики.

При этом виртуализация и иллюзорность общественно-политического процесса, где реальные человеческие голоса, мнения, общественная/гражданская позиция теряются в «лавине» цифровых ботов и фейков, а также сгенерированных ими комментариев, и влияние дополненной реальности на искажение политических представлений могут привести к полному исчезновению таких феноменов, как «общественное мнение», политическая позиция, «делиберация» и т. д.

Неслучайно значительное число экспертов особое внимание обратило на такие цифровые угрозы, как появление возможностей агрессивного замещения реальности виртуальным содержанием политических процессов, монополизации информационно-символического публичного пространства (в том числе на основе доминирования AI-агентов), полное исключение граждан из процесса принятия общественно-политических решений, виртуализация политического действия и подмена реального политического участия виртуальным, а также появление в цифровом пространстве акторов с неопределяемыми интересами и скрытыми бенефициарами.

В результате, как отметили эксперты, новые технологии делают традиционное пространство политики более фрагментированным, поляризованным, конфликтным, манипулятивным и идеологизированным, что определяет структурные особенности социотехнической реальности политики.

Данные явления и эффекты могут быть интерпретированы с позиции концепта «разрушения правды» (Truth Decay), объединяющего в себе четыре взаимосвязанных и обуславливающих друг друга тренда: рост разногласий и принципи-

альных расхождений между фактами и цифровыми мнениями, интерпретирующими эти факты; размывание границ между фактами и интерпретирующими их цифровыми мнениями; рост влияния распространяемых цифровых мнений и интерпретаций на восприятие фактов; снижение общественного доверия к считавшимся ранее авторитетными источникам фактической информации.

Одним из следствий подобного развития ситуации и реализации негативного сценария может стать, в свою очередь, смена режимов демократической легитимации (апелляция к идейно-концептуальным основаниям демократического режима и адекватному институциональному воплощению демократической идеи) на режимы социально-технологической легитимации (аргументация через дискурс удобства, интерактивность, продвинутость и т. п.), что в конечном итоге ведет к разрушению традиционных ценностных и институциональных оснований политики как таковой. Как отметил один из экспертов, «канал продвижения информации и качество подачи драматического контента становится важнее общественной дискуссии по существу проблемы».

Более того, тренд на еще более глубокую виртуализацию реального, в том числе политического, пространства сегодня представлен не только попытками применения технологий дополненной реальности, цифровой аватаризации, феноменом пост-правды и технологией дипфейков, но и стремлением крупных игроков создать пространство искусственной социальности в формате метавселенных. Неслучайно в октябре 2021 г. Facebook¹ заявил о намерении сосредоточиться на создании гибридного фиджитал-мира в рамках единой технологической платформы. В свою очередь, в Microsoft разрабатывают платформу Mesh для взаимодействия в смешанной реальности.

Подобные проекты предполагают активное перемещение действий пользователей из физической в виртуальную реальность, а также замену личностей в процессе взаимодействий их цифровыми аватарами, в результате чего прямой традиционный контакт человек — человек будет заменен цифровым форматом аватар — аватар. Очевидно, что такого рода аватары могут являться и цифровыми симулякрами вымышленных личностей, что позволяет сформировать виртуальное пространство массового цифрового взаимодействия, обладающее высоким манипулятивным потенциалом, при этом не просто отклоняющее человеческое сознание от реального мира, но в значительной степени замещающее его цифровой реальностью.

В связи с данными обстоятельствами нам представляется неслучайным тот факт, что участники исследования в целом согласились, как показано на рис. 3, с выдвинутым нами предположением о том, что в настоящее время формируется новая социотехническая реальность, являющаяся следствием актуальных технологических трансформаций (средний балл экспертных оценок по 10-балльной шкале — 7,4).

На основе комплексирования полученных экспертных оценок в качестве основных компонентов структуры социотехнической реальности мы можем выделить цифровые корпорации, создаваемые ими системы (алгоритмы, искус-

¹ Meta признана экстремистской организацией в РФ.

6. НАСКОЛЬКО ВЕРНО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, УТВЕРЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО СЕГОДНЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФОРМИРУЕТСЯ НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ? КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ОТ 1 ДО 10 БАЛЛОВ (1 — АБСОЛЮТНО НЕВЕРНО, 10 — ВЕРНО В МАКСИМАЛЬНОЙ СТЕПЕНИ)

22 ответа

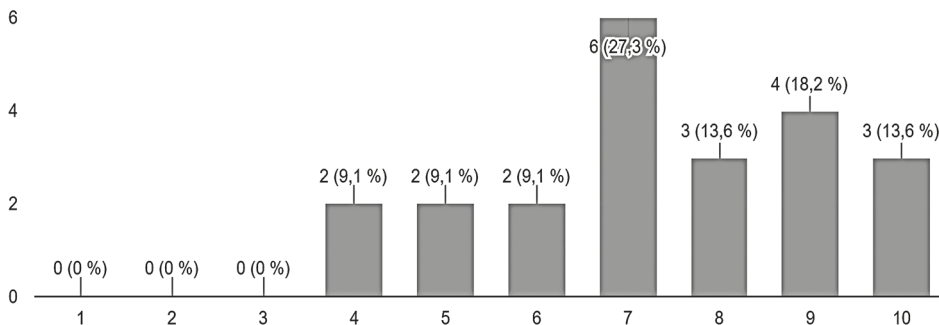


Рис. 3. Экспертные оценки формирования новой социотехнической реальности

ственный интеллект), а также государство и граждан (которых устраивают либо не устраивают цифровые технологии). Особое внимание эксперты обращали внимание на появление гибридных политических субъектов (аватаров, виртуальных агентов), посредническую роль цифровых платформ. Это в основном коррелирует с теми компонентами структуры, особенностями социотехнической реальности, которые были выявлены в ходе обзора литературы.

По итогам исследования мы также можем выделить ключевые характеристики социотехнической реальности, к которым в первую очередь можно отнести следующие:

- увеличение числа активно функционирующих цифровых и гибридных «человекообразных» систем в условиях стирания субъективных и объективных границ самого цифрового пространства;

- формирование новых — более сложных и развитых — норм и механизмов регуляции общественной жизни;

- растущее значение принятия решений на основе систем искусственного интеллекта, нейросетевых алгоритмов и больших данных;

- формирование персонализированной политики относительно каждого отдельного гражданина;

- переход от индивидуального информационного потребления к коллективному и появление новых форм коллективной субъектности;

- виртуализация социальной жизни; усиление роли технологических корпораций в жизни людей;

- возрастание угроз потенциально полного контроля общественно-государственного организма над отдельными гражданами.

При этом важно отметить, что, по мнению подавляющего числа участников исследования, на сегодняшний день невозможно четко определить, имеют ли основные современные технологические процессы цифровизации и формирования социотехнической реальности однозначно положительное или отрицательное влияние. Скорее, мы имеем дело со сложной связкой эффектов, имеющих разнонаправленное действие. Неслучайно полученные экспертные мнения в своем большинстве включали анализ как конструктивного, так и деструктивного потенциала современных цифровых технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование подтвердило предположение о формировании самостоятельного онтологического пространства современной цифровой политики — социотехнической реальности, — обладающего собственными принципами функционирования.

Обзор концепций и публикаций, дополненный анализом практик в сфере цифровизации политики и результатами экспертного опроса, дает основание утверждать, что базовыми компонентами структуры социотехнической реальности являются цифровые корпорации, создаваемые ими системы (алгоритмы, искусственный интеллект), а также государство и граждане. При этом важнейшими особенностями социотехнической реальности в политике выступает гибридизация политических субъектов и посредническая роль цифровых корпоративных платформ между гражданами и государством.

Эксперты согласны с тем, что интенсивное внедрение в современную практику общественно-политического управления цифровых технологий, активное развитие глобальной цифровой инфраструктуры приводят сегодня к формированию социотехнической реальности нового типа и фиджитал-пространства политики, в рамках которого главенствующую роль будут играть не реальные, но виртуальные конструкты, ценности, смыслы, а сам человек может быть вытеснен его цифровыми аватарами, которые будут способны взять на себя функцию коммуникационного взаимодействия, в том числе и в общественно-политической сфере.

Значимую роль в процессах современной цифровизации по итогам исследования мы отводим технологиям искусственного интеллекта, алгоритмам самообучающихся нейросетей и цифровым ресурсам Big Data, интеграция которых в рамках единых «умных» проектов позволяет существенным образом влиять на содержание, структуру и параметры функционирования современной политики в цифровой среде.

Важнейшую роль в формировании структуры социотехнической реальности играет взаимодействие цифровых корпораций с традиционными институтами государства. Вступление цифровых корпораций и государственных институтов в сложные симбиотические отношения заставляет нас говорить об алгоритмизации власти, при помощи которой политические институты активно заимствуют корпоративные техники предиктивной аналитики, ранжирования, фильтрации информации для изучения целевых аудиторий, управления политической повесткой дня и коррекции общественных настроений, в результате чего в ак-

туальной политической практике появляются новые гибридные акторы, обладающие серьезным властным потенциалом и способностью формирования дизайна современной политики в собственных целях и интересах.

Особенности социотехнической реальности, как показали результаты исследования, связаны с определенными потенциалами, с одной стороны, и рисками, угрозами — с другой. Цифровые трансформации, безусловно, порождают и существенный потенциал для эффективного развития отношений между государством и обществом в политической сфере, позволяя при разумном применении цифровых технологий, искусственного интеллекта, нейросетей и Big Data выстраивать открытые, прозрачные и демократические отношения между институтами власти и гражданами на новой технологической основе.

Однако, как полагают эксперты, данный конструктивный потенциал общественно-политического развития тесно сопряжен с соответствующими рисками, угрозами и вызовами как для самого государства и его институтов, так и для общества и его граждан. Негативные сценарии цифровизации включают в себя угрозы формирования обществ цифрового контроля, узурпации цифровых технологических возможностей и злоупотребления цифровым преимуществом со стороны глобальных и национальных политических акторов в собственных интересах, риски переформатирования реальной действительности и ухода человека в вымышленную цифровую реальность, вызовы, связанные с разрушением традиционных обществ, исчезновением казавшихся еще вчера незыблемыми естественных прав человека и даже добровольным отказом от них ради комфорта и удобства, риски трансформации и разрушения традиционных политических ценностей и смыслов под контролем систем искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов.

Данные обстоятельства позволяют нам сделать вывод о том, что комплексные исследования влияния цифровых технологических трансформаций на сферу общественно-политического развития современных государств не только необходимы, но и обладают высокой степенью актуальности, позволяя поднимать в научном сообществе важные проблемы, связанные с процессами эволюции современного государства и общества. Какими будут результаты цифровой трансформации для государства, общества, личности — вопрос сегодня остается открытым.

Литература

- Аванесян А.* Майамификация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 192 с.
- Артамонова Ю. Д.* Цифровой мониторинг социально-политической жизни: основные направления развития и возможности общественного контроля // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. Т. 13, № 2. С. 134–152. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-7>
- Володенков С. В.* Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // *Журнал политических исследований.* 2019. Т. 3, № 1. С. 7–13.
- Евангели А.* Формы времени и техногенная чувственность. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с.
- Исаев И. А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа): монография. М.: Проспект, 2021. 384 с.

Крушанов А. А. О социотехнической реальности в контексте трансдисциплинарных исследований // Вестник Российского философского общества. 2012. № 3. С. 117–123.

Лапина-Кратасюк Е., Запорожец О., Возьянов А. Сети города: Люди. Технологии. Власти. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 576 с.

Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ad Marginem: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.

Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2018. 268 с.

Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.

Назаров М. М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 2. С. 108–124. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>

От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под. ред. А. В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020. 256 с.

Родькин П. Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти: Критический очерк. М.: Совпадение, 2016. 72 с.

Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 128 с.

Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 2. С. 3–18. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18>

Шипунова О. Д., Коломейцев И. В. Социотехническая система и социокультурная среда в современном обществе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. Вып. 1 (105). С. 15–21.

Aneesh A. Virtual Migration: The Programming of Globalization. Durham. NC and London: Duke University Press, 2006. 208 p.

Baxter G., Sommerville I. Socio-technical systems: From design methods to systems engineering // Interacting with Computers. 2011. Vol. 23, iss. 1. P. 4–17. <https://doi.org/10.1016/j.intcom.2010.07.003>

Beer D. The social power of algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, no. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>

Borgesius F. J. Z. Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence // The International Journal of Human Rights. 2020. Vol. 24, no. 10. P. 1572–1593. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>

Bucher T. Want to be on top? Algorithmic power and the threat of invisibility on Facebook* // New Media & Society. 2012. Vol. 14, iss. 7. P. 1164–1180. <https://doi.org/10.1177/1461444812440159>

Center for the Digital Future. The 2009 Digital Future Report: Surveying the Digital Future, Year Eight. Los Angeles: University of Southern California, Annenberg School Center for the Digital Future, 2009. 190 p.

Chan N. K. Political Inequality in the Digital World: The Puzzle of Asian American Political Participation Online // Political Research Quarterly. 2020. <https://doi.org/10.1177/1065912920945391>

Gibson W. Google's Earth. New York Times. August 31, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/09/01/opinion/01gibson.html> (дата обращения: 20.11.2021).

Gran A. -B., Booth P., Bucher T. To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? // Information, Communication & Society. 2021. Vol. 24, iss. 12. P. 1779–1796. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1736124>

Kellner D. Globalisation from Below? Toward a Radical Democratic Technopolitics // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. 1999. Vol. 4, iss. 2. P. 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>

* Мета признана в РФ экстремистской организацией.

Lundahl O. Algorithmic meta-capital: Bourdieusian analysis of social power through algorithms in media consumption // *Information, Communication & Society*. 2022, vol. 25, iss. 10. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1864006>

Moravčíková D., Klietková J. Brand Building with Using Phygital Marketing Communication. // *Journal of Economics, Business and Management*. 2017. No. 5. P. 148–153.

Muchlinski D., Yang X., Birch S., Macdonald C., Ounis I. We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media // *Political Science Research and Methods*. 2021. No. 9 (1). P. 122–139. <https://doi.org/10.1017/psrm.2020.32>

Švec M., Madleňák A. Legal Frameworks for the Phygital Concept // *European Journal of Science and Theology*. 2017. Vol. 13, no. 6. P. 209–217.

Ulbricht L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project // *Democratization*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

Zuboff S. The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

Володенков Сергей Владимирович — д-р полит. наук, проф.; s.v.cyber@gmail.com

Федорченко Сергей Николаевич — д-р полит. наук, проф.; s.n.fedorchenko@mail.ru

Артамонова Юлия Дмитриевна — канд. филос. наук, доц.; juliaartamonova@yahoo.com

Статья поступила в редакцию: 10 декабря 2021 г.;

рекомендована к печати: 4 июля 2022 г.

Для цитирования: *Володенков С. В., Федорченко С. Н., Артамонова Ю. Д.* Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 3. С. 230–253. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.301>

SOCIOTECHNICAL REALITY OF THE DIGITAL SPACE OF CONTEMPORARY POLITICS: STRUCTURE AND FEATURES*

Sergey V. Volodenkov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko

Moscow Region State University,
24, ul. Very Voloshinoi, Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation;
s.n.fedorchenko@mail.ru

Julia D. Artamonova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; juliaartamonova@yahoo.com

The main purpose of the article was the analysis of experts' ideas about the digital space of modern politics. The authors put forward a hypothesis about the formation of an independent ontological space of modern digital politics, which has its own principles of functioning. The intensive introduction of digital technologies into the modern practice of socio-political man-

* The reported study was funded by of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research according to the research project no. 21-011-31089 "The structure and peculiarities of contemporary politics digital space's functioning in the context of global technological transformations".

agement, the active development of the global digital infrastructure lead today to the formation of a new type of sociotechnical reality and an independent phygital space of politics within which virtualized constructs, values, meanings are formed and communication interaction is transformed. In the digital space of politics, there is an algorithmization of power, with the help of which political institutions actively borrow corporate techniques of predictive analytics, ranking, filtering information to study target audiences, manage the political agenda and correct public sentiment; new hybrid actors with serious power potential and the ability to form the design of modern politics for their own purposes and interests appear in current political practice. To confirm the working hypothesis, the authors conducted an international expert survey, which allowed to study the views of experts on the features of the digitalization of modern politics and the characteristics of the emerging sociotechnical reality. The results of the study confirm the hypothesis, however, experts assess the speed and trends of the formation of this new type of policy in different ways. Based on the results of theoretical and empirical research, the authors highlight the key trends in the formation of the modern socio-technical space of politics.

Keywords: digitalization of politics, socio-technical reality, digital space, digital world, algorithmization of power.

References

- Aneesh A. *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC and London: Duke University Press, 2006. 208 p.
- Artamonova Yu. Digital Monitoring of Socio-political Life: Main Directions of Development and Opportunities for Public Control. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 134–152. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-7> (In Russian)
- Artificial Intelligence on the Way to Artificial Sociality: New Research Agenda for Social Analytics*, ed. by A. V. Rezaeva. Moscow: VTsIOM Publ., 2020. 256 p. (In Russian)
- Avanesyan A. *Miamification*. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2021. 192 p. (In Russian)
- Baxter G., Sommerville I. Socio-technical systems: From design methods to systems engineering. *Interacting with Computers*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 4–17. <https://doi.org/10.1016/j.int-com.2010.07.003>
- Beer D. The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 1–13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
- Borgesius F. J. Z. Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 2020, vol. 24, no. 10, pp. 1572–1593. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
- Bucher T. Want to be on top? Algorithmic power and the threat of invisibility on Facebook*. *New Media & Society*, 2012, vol. 14, iss. 7, pp. 1164–1180. <https://doi.org/10.1177/1461444812440159>
- Center for the Digital Future. *The 2009 Digital Future Report: Surveying the Digital Future, Year Eight*. Los Angeles: University of Southern California, Annenberg School Center for the Digital Future, 2009. 190 p.
- Chan N. K. Political Inequality in the Digital World: The Puzzle of Asian American Political Participation Online. *Political Research Quarterly*, 2020. <https://doi.org/10.1177/1065912920945391>
- Evangeli A. *Forms of time and technogenic sensibility*. Nizhny Novgorod: Krasnaia lastochka Publ., 2019. 272 p. (In Russian)
- Fedorchenko S. N. Algorithmization of Power: Digital Metamorphoses of Political Regimes and Sovereignty. *Journal of Political Research*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 3–18. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18> (In Russian)
- Gibson W. Google's Earth. *New York Times*. August 31, 2010. Available at: <http://www.nytimes.com/2010/09/01/opinion/01gibson.html> (accessed: 20.11.2021).

* Мета признана в РФ экстремистской организацией.

Gran A.-B., Booth P., Bucher T. To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? *Information, Communication & Society*. 2021, vol. 24, no. 12, pp. 1779–1796. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1736124>

Isaev I. A. “Power machine” in virtual space (image formation): monograph. Moscow: Prospect Publ., 2021. 384 p. (In Russian)

Kellner D. Globalisation from Below? Toward a Radical Democratic Technopolitics. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 1999, vol. 4, iss. 2, pp. 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>

Krushanov A. A. On socio-technical reality in the context of transdisciplinary research. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2012, no. 3, pp. 117–123. (In Russian)

Lapina-Kratasiuk E., Zaporozhets O., Voz'ianov A. *City networks: People. Technology. Authorities*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 576 p. (In Russian)

Lovink G. *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Publ., Garage Museum of Contemporary Art Publ., 2019. 304 p. (In Russian)

Lundahl O. Algorithmic meta-capital: Bourdieusian analysis of social power through algorithms in media consumption. *Information, Communication & Society*, 2022, vol. 25, iss. 10. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1864006>

Manovich L. *Theories of soft culture*. Nizhny Novgorod: Krasnaia lastochka Publ., 2017. 208 p. (In Russian)

McQuire S. *Geomedial: Networked Cities and the Future of Public Space*, transl. from English. Moscow: Strelka Press Publ., 2018. 268 p. (In Russian)

Moravčíková D., Klietkova J. Brand Building with Using Phygital Marketing Communication. *Journal of Economics, Business and Management*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 148–153.

Muchlinski D., Yang X., Birch S., Macdonald C., Ounis I. We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 122–139. <https://doi.org/10.1017/psrm.2020.32>

Nazarov M. M. Platforms and Algorithmization in Media: Content and Social Consequences. *Communicology*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 108–124. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124> (In Russian)

Rodkin P. E. *Media and society. Three Attempts to Uncover the Subject of Power: A Critical Essay*. Moscow: Sovpadenie Publ., 2016. 72 p. (In Russian)

Shipunova O. D., Kolomeitsev I. V. Socio-technical system and socio-cultural environment in modern society. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 1 (105), pp. 15–21. (In Russian)

Srnichek N. *Platform Capitalism*. 2nd ed., transl. from English by M. Dobryakova. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 128 p. (In Russian)

Švec M., Madleňák A. Legal Frameworks for the Phygital Concept. *European Journal of Science and Theology*, 2017, vol. 13, no. 6, pp. 209–217.

Ulbricht L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 2020, vol. 27, no. 3, pp. 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

Volodenkov S. V. Big Data as an instrument of influence on the contemporary political process: features, potential and actors. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 7–13. (In Russian)

Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

Received: December 10, 2021

Accepted: July 4, 2022

For citation: Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Artamonova J. D. Sociotechnical reality of the digital space of contemporary politics: Structure and features. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 230–253. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.301> (In Russian)